

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 4.

15-го Февраля ————— 1874 года.

Содержаніе.—Бесѣда въ Мясопустную Вселенскую Субботу.—Пророчество Иисуса Христа о страшномъ судѣ.—О Блаж. Августинѣ.—Оригенъ противъ Цельса.

БЕСѢДА

въ Мясопустную Вселенскую Субботу (*).

*Надъ мертвецомъ не возбрани
благодати.* Сир. VII. 36.

Узникъ, вотъ тѣ слова, которыя были сказаны мудрымъ сыномъ Сираха еще древле въ церкви ветхозавѣтной; но ученіе этихъ словъ перешло и въ церковь новоблагодагную. Истинно-православная Церковь, какъ почительнѣйшая мать наша, забо-

(*) Связано 10 февраля 1873 года къ заключеннымъ въ Воронежской военно-исправительной ротѣ.

тится не только о живущих на земли; но и объ отшедших въ вѣчность, — по этому ею, со временъ еще апостольскихъ, установлены особые дни для общаго поминовенія усопшихъ братій нашихъ. Такъ въ сей день субботній, какъ бы въ день предшествующій страшному суду Христову, воспоминанію котораго посвященъ завтрашній день недѣльный, Церковь предстательствуетъ предъ праведнымъ Судіею о всѣхъ въ правой вѣрѣ скончавшихся.

Слѣдуя благочестивому преданію и обычаю церкви, поддерживаемому свободнымъ послушаніемъ вѣры мы не только должны вспоминать усопшихъ братій нашихъ; но обязаны по долгу любви христіанской, и приносить о спасеніи души ихъ безкровную жертву и подавать о нихъ милостыню; впрочемъ, что я говорю, милостыню? какую же вы можете подать милостыню, когда сами нуждаетесь въ оной? Но не отчаивайся, узникъ, и ты имѣешь самое важнѣйшее и спасительнѣйшее средство помочь умершимъ сродникамъ и знаемымъ: это средство — молитва, которая если когда, то наипаче нынѣ благовременна; такъ какъ она есть вѣрнѣйшій оплотъ и огражденіе отъ враговъ невидимыхъ, для насъ живущихъ на земли а для почившихъ великая отрада, потому что всѣ умершіе живы и находятъ ся съ нами въ союзѣ; а нѣкоторые изъ нихъ, много нуждаются въ нашей помощи. Изложеніе сей истины да будетъ предметомъ настоящей моей бесѣды съ вами.

Всѣ умершіе, особенно скончавшіеся о Христвъ, живы! Ибо что есть въ собственномъ смыслѣ смерть наша? Смерть наша есть разлученіе души отъ тѣла! послѣ чего одно только тѣло лишается жизни и дѣятельности, одна наша немощная плоть только предается глѣнію и разрушенію, какъ изъ персти созданное, возвращается въ землю; а душа наша, какъ духъ, возвращается къ Богу вѣчному, который далъ его, гдѣ она и пребываетъ безсмертна. Хотя душа, по разлученіи съ тѣломъ, не можетъ уже сама по себѣ принять новый образъ мыслей и чувствовать — явиться другою, какъ бы она могла это содѣлать, живя въ соединеніи съ тѣломъ на землѣ; но, съ другой стороны, она — одна безъ тѣла глѣннаго и немощнаго, яснѣе сознаетъ себя, живѣе въ ней дѣйствуетъ совѣсть... а если сподобится блаженной жизни, — жизни святыхъ:

го въ взаимномъ общеніи съ ангелами, въ созерцаніи Иисуса Христа-предъ престоломъ Всевышняго, душа наша не найдетъ ли, не ощутитъ ли въ себѣ новыхъ силъ, новаго бытія жизни не изъяснимой?? По этому слово Божіе смерть истинно-вѣрующихъ и благоудовившихъ Богу, называетъ не смертію, а *разрѣшеніемъ* (Фил. 1,-23;) *отшествіемъ* (2 тимоф. 4,⁶); *внитіемъ къ Господу* (2 корин. 5, 8., и *успеніемъ* (3 цар. 2, 10.); *Богъ нѣсть мертвыхъ но живыхъ: вси бо тому живи суть* (Лук. 20, 38.): послѣдніе слова Евангелиста ясно свидѣлствуютъ, что всѣ умершіе живы. Итакъ, спасительнѣйшая вѣра наша, раскрывая тайну бытія нашего, говоритъ, что человѣкъ умираетъ только тѣломъ, а душа его по разлученіи съ тѣломъ будетъ жить. Какая бездна премудрости Божіей! человѣкъ рождается, что бы умереть, умираетъ, что бы жить, жизнию вѣчною. Но что это за жизнь вѣчная? Для любящихъ и истинно вѣрующихъ въ Бога, будетъ жизнь неизъяснимо блаженная, тамъ нѣтъ ни болѣзни, ни воздыханія; а для неисполняющихъ заповѣди Господни, будутъ не скончаемыя мученія во тьмѣ кромѣшной, уготованной злымъ духамъ. Здѣсь будетъ плачь, рыданія и вопль! Взыщутъ утѣшителя и необрацуютъ! Воспросятъ и не услышатъ! По этому вострепещи душа! Содрогнись сердце грѣшника! Пробудись заглохшая совѣсть! Еще есть у тебя время покаянію, есть у тебя время заслужить и милосердіе Божіе! Не медли, се ангелъ смерти при дверяхъ стоитъ! Сохрани Богъ, если онъ достигнетъ насъ на распутіяхъ міра, сего! Тогда что принесемъ въ оправданіе свое? за гробомъ нѣтъ болѣе покаянія, со смертію все земное наше странствованіе, все временное наше приготовленіе къ вѣчному житію, кончается. Одна только благодѣ Божія и молитвы Св. церкви развѣ отверзнутъ намъ райскія двери; потому что, Милосердый даровалъ намъ возможность и послѣ нашей смерти очищаться отъ грѣховъ нашихъ благодатію Его по молитвамъ Св. церкви, которая для сей цѣли и собрала насъ нынѣ во едино! Грѣшникъ! пролей слезы покаянія! Вознеси, узникъ, отъ глубины души теплыя свои молитвы къ Жизнодавцу о почившихъ знаемыхъ тобою, дабы Онъ, сладчайшій не низвелъ ихъ по грѣтамъ ихъ на мѣсто мученія, а вселилъ ихъ въ мѣсто преисполненное вѣчнаго блаженства. Помяни усопшихъ братій твоихъ: и *надъ мертвецомъ не возбрани благодати; ибо они живы и на-*

ходятся въ тѣсномъ союзѣ съ тобою, но не могутъ только выразить тебѣ свое состояніе, какъ обыкновенно они высказывались здѣсь-живя на земли. Дѣйствительно, бывали весьма не рѣдко достовѣрные и непререкаемые опыты бесѣдованія не только умершихъ людей съ живыми людьми, но даже и всегдашнихъ небесныхъ обитателей — ангеловъ съ земными жителями, а именно, припомните недавно преданныя вамъ исторіи о явленіи ангела: Пастырямъ Вавилеумскимъ, Пророку Захарію, Пресвятой Дѣвѣ Маріи и Міроносицамъ, — это вотъ опыты Евангельскіе-бесѣдъ небесныхъ обитателей съ земными. Теперь взгляните на икону святителя Митрофана и вспомните книгу чудесъ его: кому онъ по смерти не являлся? А сколько мы можемъ еще указать примѣровъ явленій и бесѣдъ изъ житія другихъ угодниковъ, такъ хоть на прамѣрѣ, явленіе святаго преподобнаго Александра Свирскаго ученику своему игумену Продіону. Въ одну ночь игумень Продіонъ въ слѣдствіе необыкновеннаго свѣта, осіявшаго его келію, возставъ отъ сна, увидѣлъ, что Александръ Свирскій, ходя по монастырю, ведетъ бесѣду съ митрополитомъ Макаріемъ о остростроеніи Храма надъ монастырскими воротами. Исполненный радостію отъ такого видѣнія, онъ тою же минутою отправился изъ келіи къ нимъ, и лишь только успѣлъ полойти къ Митрополиту Макарію, и сказать ему нѣсколько словъ, какъ сей послѣдній былъ отозванъ преподобнымъ Александромъ Свирскимъ въ Храмъ Св. Троицы, гдѣ оба и стали не видимы. (Изъ житія преподоб. Александра Свирскаго стр. 79).

Но неоднимъ собесѣдованіемъ объясняется нашъ союзъ, наше общеніе съ небесными жителями или съ умершими. Мы живя на земли, какъ часто въ горѣ и радости призываемъ въ помощь святыхъ принадлежащихъ къ церкви небесной; и они, по мѣрѣ вѣры нашей, помогаютъ намъ. А потому, ни что такъ осязательно недоказываетъ союза живущихъ на земли съ умершими, какъ это взаимное вспомошествованіе. Мы прибѣгаемъ за помощію къ святымъ, — и они намъ оказываютъ ее! Мы подаемъ помощь своими молитвами и благотвореніями умершимъ, и они получаютъ ее! Помичаемъ, говорить Св. Кирилъ Іерусалимскій, прежде почившихъ, во первыхъ Патрарховъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, чтобы ихъ молитвами и претательствомъ принялъ Богъ

моление наше. Превеликая будетъ польза душамъ, о которыхъ моление возносится въ то время, какъ святая предлежитъ и страшная жертва. Послѣ сихъ словъ, нужно ли еще какое либо доказательство необходимости для насъ молиться о спасеніи душъ почившихъ братій нашихъ?

И такъ, узникъ, молись усердно за усопшихъ, молись съ вѣрою и надеждою на милосердіе Божіе, что эта молитва и для почившихъ спасительна; твердо однако при этомъ помня, что рано или поздно, нынѣ или завтра придетъ и нашъ роковой смертный часъ; а для того, что бы къ нему быть постоянно готовымъ, прежде всего надлежитъ оставить свою порочную жизнь, измѣнить всѣ свои худые помыслы, дабы чрезъ такое не отлагательное исправленіе во грѣхахъ, упрочить себѣ надежду, что и за тебя, по твоей копчинѣ, молитвы ближнихъ твоихъ принесутъ душѣ твоей отраду, и помогутъ ей въ достиженіи вѣчнаго покоя и блаженства въ Богѣ.

Владыко милостивый, услышь нашу молитву и прими наше моленіе, прости намъ беззаконія наша и въ день Твоего втораго пришествія сподоби насъ чертога радостей; а усопшихъ братій нашихъ со святыми упокой. Аминь.

Свящ. В. Альбицкій.

ПРОРОЧЕСТВО ІИСУСА ХРИСТА

О СТРАШНОМЪ СУДѢ.

(Изъ публичныхъ чтеній В. В.).

(Окончаніе).

Иисусъ Христосъ не ограничится явленіемъ своей, невѣдомой человечеству, славы и возбужденіемъ благогоумія къ Его униженію, — Онъ отмститъ еще за пренебреженіе своего ученія и за нарушеніе своего закона. Священные книги, писанныя подъ наитіемъ высочайшей Премудрости и, по Ея милосердію, данныя намъ для руководства, будутъ раскрыты и представлены взору всѣхъ народовъ, какъ ихъ судебный документъ. Всѣ, отрицавшіе божественность этихъ книгъ, всѣ, хулившіе описанныя въ нихъ чудеса, всѣ,

издѣвашіеся надъ изложеннымъ въ нихъ ученіемъ, всё, пренебрегавшіе вѣдѣніемъ откровенныхъ въ нихъ истинъ, всё, нарушавшіе обязанность, налагаемую ими, съ ужасомъ прочтуть, уже заранѣе произнесенное въ нихъ, свое осужденіе. И, въ самомъ дѣлѣ, что такое всё эти проклятія, возвѣщаемыя свѣщ. Писаніемъ противъ беззаконія, вольнодумства, гордости, гнѣва, лицемерія, соблазна и другихъ пороковъ, какъ не совокупность приговоровъ, изъ которыхъ, въ послѣдній день, останется сдѣлать только приложение къ виновнымъ во всѣхъ поименованныхъ грѣхахъ.

Такимъ образомъ, торжественно отмстится безпрерывное пренебреженіе и раздраженіе правосудія Божія на землѣ; умолкнетъ всякое роптаніе, всякая жалоба на чрезмѣрную строгость закона Божія и грозную жестокость Его суда. Получивъ отчетъ въ дѣлахъ человѣческихъ, Богъ благоволитъ представить имъ отчетъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Какъ будто имѣя нужду въ подтвержденіи своихъ священныхъ приговоровъ, Онъ, разсуждая правоты человечества, этимъ самымъ подвергнетъ суду свою собственную правду и міръ, осмѣлившійся подчинять разбирательству правду Божию, съ содроганіемъ принужденъ будетъ признать справедливость Его приговоровъ.

Иисусъ Христосъ не удовлетворится торжественнымъ осужденіемъ міра за свое собственное презрѣніе и оскорбленіе. Онъ отмститъ ему и за своихъ избранныхъ, слава которыхъ перазлучна съ Его славою и противъ которыхъ міръ одинаково несправедливъ. Этотъ день опредѣленъ и для нихъ, чтобъ ихъ добродѣтели, вполне обнаруженныя предъ цѣлымъ человечествомъ, наконецъ стяжали почеть, въ которой такъ долго отказывали имъ. Эти праведники были невѣдомы міру, какъ по его недостойнству узнать о нихъ, — потому, что люди, боясь увидѣть въ нихъ обличеніе своихъ пороковъ, не заботились объ открытіи ихъ, — такъ и по ихъ собственному глубокому смиренію, тщательно скрывавшему ихъ отъ людей.

Но, такова ихъ участь въ этой печальной жизни, гдѣ адъ, недовольствуясь ихъ великодушнымъ терпѣніемъ, безпрерывныхъ поруганій, егорченій, гоненій, — употребляетъ всё средства затмить сіяніе ихъ добродѣтели, тлетворнымъ дыханіемъ клеветы. Да и вообще, нѣтъ добродѣтели, которую онъ не старался бы обратить въ порокъ или посмѣшище, желая отвлечь отъ нея людей. Вслушайтесь въ сужденіе не только міра, вообще, но даже людей, пріобрѣтшихъ себѣ право на имя людей почтенныхъ и правдолюбивыхъ; вы услышите, со всѣхъ сторонъ, такого рода оцѣнку до-

бродѣтели: благочестіе есть ничто иное, какъ мелочь, усердіе — вспышка, ревность — фанатизмъ, руководство совѣтію — робость, любовь къ уединенію — странность, смиренномудріе — низость, воздержаніе — безпечность о тѣлѣ, благотвореніе — расточительность, благоразуміе — хитрость, откровенность — нескромность, покорность голѣ Божіей — безчувственность, умерщвленіе плоти — сумашествіе. Самыя похвальныя дѣянія перетолковываются въ худую сторону; если же, невозможно приписать имъ дурнаго смысла, тогда самое намѣреніе отравляютъ клеветой. Такъ, иногда цѣлый народъ клеветаетъ на невинность, и нѣтъ Давида, чтобъ оправдалъ бы ея! Но не вѣчно же Богъ попуститъ злымъ людямъ разсѣвать злую клевету, которую они изрыгаютъ на добродѣтель; въ свое время, Онъ самъ откроетъ во всемъ блескѣ ея чистоту. Тогда, предъ чами всѣхъ людей, обитавшихъ на землѣ, Онъ отниметъ туманную завѣсу, скрывавшую до этого дня, столько мужественныхъ подвиговъ, трудныхъ побѣдъ, тягостныхъ жертвъ, имѣвшихъ свидѣлемъ только единаго Бога и, обнаруживъ, такимъ образомъ, сѣ добродѣтели святыхъ своихъ, онъ принудитъ самихъ клеветниковъ возвеличить ихъ. Духъ Святой представляетъ будущее состояніе праведныхъ и грѣшныхъ въ такомъ видѣ: *Тогда станеть въ дерзновеніи мнози праведники предъ лицемъ оскорбившихъ его, и отмечающихъ труды его. Видящии смятутся страхомъ тяжкимъ, и ужаснутся о преславному спасеніи его. И рекутъ въ себя кающеса, и въ тѣснотѣ духа воздыхающе: сей бѣ, егोजе имъхомъ нѣкогда въ посмѣхъ и въ притчу поношенія. Безумнии житіе его вмѣнихомъ неистовство, и кончину его безчестну. Како вмѣнися въ смѣхъ Божійхъ, и въ святыхъ жребій его есть?* Прем. V. 1—5. Предъ этимъ страшнымъ судомъ представутъ также всѣ виновные, которые, въ продолженіе своей преступной жизни, злоупотребляя или презирая милосердіемъ Божиимъ и пренебрегая Его правосудіемъ, наконецъ истощили Его долготерпѣніе. Тогда, говоритъ Премудрый, *придутъ въ помышленіе и рѣшѣтъ своихъ боязливи, и обличатъ ихъ противу беззаконія ихъ.* Прем. IV. 20.

На землѣ порокъ, искусно прикрываясь личиною добродѣтели, нѣрѣдко пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе, а надежя, остаться тайной, поощряетъ его на большее преступленіе. Случается даже, къ стыду разумнаго человечества, что публичный порокъ, дѣлая быстрые успѣхи, приводитъ его въ восторгъ и этимъ самымъ предвосхищаетъ похвалу и честь, принадлежащія добродѣтели. Къ несчастію, въ этомъ мірѣ, не существуетъ лекарства отъ этой болѣзни, по двумъ причинамъ, устраненіе которыхъ тѣмъ труднѣе, тѣмъ онѣ общевѣстнѣе: по ограниченности нашихъ познаній и

испорченности нашихъ сердець; но, чтобъ прекратить это несправедливое поруганіе добродѣтели и — восхваленіе порока, Богъ находитъ средство, говоря какъ бы такъ: Я сотворю день, въ который раздерется всякое покрывало и разсыются всѣ обманчивые призраки, потому что Я дамъ пронизательность всѣмъ очамъ и судъ тогда будетъ праведенъ.

Наконецъ и эти грѣшники, употреблявшіе все искусство чтобъ утаить свои пороки и удержать за собою незаслуженное уваженіе людей, подвергнутся строгому истязанію не только Бога, котораго пренебрегали, но — и чловѣчества, котораго такъ боялись; не только истязанію ихъ страны и націи, но — суду всѣхъ странъ и народовъ. Ихъ грѣхи, казалось, умершіе вмѣстѣ съ тѣломъ, воскреснутъ съ ними; ихъ испорченная совѣсть, таившая въ своихъ изгибахъ столько страстей, откроется; ихъ дѣла, повсемѣстно разсѣянные, въ продолженіе всей земной жизни, соберутся вмѣстѣ и — все это обнаружится предъ очами цѣлаго міра. Все сокровенное отъ людей, все прятное, забытое или непонятое, начиная отъ перваго грѣха и до постепеннаго его развитія въ разные возрасты, какъ то: увлеченія безпорядочной молодости, честолюбивыя проски зрѣлыхъ лѣтъ, соблазнительные поступки старости, все будетъ обнаружено. Даже то, что, казалось, крѣпко замкнуто внутри сердца, какъ то: мысли, сужденія, привязанности, ненависть, желанія, надежды, побужденія, намѣренія — все будетъ объявлено въ этотъ великій день. И вся эта совокупность всякаго рода грѣховъ, открытыхъ во всей подробности, еще болѣе увеличитъ ихъ преступность, представится уже не въ томъ видѣ, въ какомъ казалась обманутымъ людямъ, но во всей ихъ дѣйствительности. Тогда разсыются всѣ отговорки, служившія оправданіемъ грѣховъ, всѣ обманчивыя умозаключенія и яркія краски, украшавшія ихъ и они, объявленные во все своей наготѣ, внушатъ подобающій имъ ужасъ и омерзѣніе.

Вмѣстѣ съ содѣланнымъ зломъ, обнаружится все добро, опущенное по невниманію, или по нежеланію воспользоваться имъ. Откроется жизнь полная грѣховъ и неимущая добрыхъ дѣлъ, проведенная безъ упражненія въ молитвѣ, дѣлахъ благочестія, помощи бѣднымъ, состраданія несчастнымъ, умерщвленіи плоти. Всѣ эти опущенія, накопленные безъ раскаянія и угрызений совѣсти, произшедшія, можетъ быть, отъ того, что ихъ не считали нарушеніемъ заповѣди, будутъ открыты и осуждены какъ дѣйствительное нарушеніе ея. Тогда узнаютъ мѣру виновности жизни праздною, жизни чувственной, жизни преступной и то, что въ глазахъ столькохъ обманутыхъ людей пользовалось мнѣніемъ самаго дозво-

деннаго удовольствія и даже непорочнаго поведенія, въ этотъ день окажется предметомъ, заслуживающимъ только укоризну и безславіе.

Всѣ божественныя благодѣнія, назначеніе которыхъ осталось неоправданнымъ, какъ то: дары богатства, ввѣренныя для распространенія благодѣлій—и расточенныя на предметы суетности, роскоши и даже разврата; таланты разума, назначенныя провидѣніемъ для славы Божіей и пользы ближнихъ—и употребленныя на удовлетвореніе мѣлкаго тщеславія, а можетъ быть, обезчещенныя полнодумствомъ и нечестіемъ; всѣ дары естественныя, данныя какъ средство для снисканія добродѣтели—и обращенныя въ побужденіе на порокъ; однимъ словомъ, все въ продолженіе жизни, полученное отъ благодати Божіей для извлеченія пользы, но умышленно искаженное, будетъ обнаружено въ этотъ великій день. Кроме того, всѣ святыя внушенія, которыя отвергли, всѣ благочестивыя желанія, которыя угасили, всѣ угрызенія совѣсти, которыя преодолѣли, всѣ спасительныя указанія, которыя преодолѣли, всѣ спасительныя указанія, которыя презрѣли, всѣ благоприятные случаи, которые пренебрегли и все, употребленное вопреки служенію, ввѣренному Господомъ, объявится предъ очами цѣлой вселенной.

Не только грѣхи, содѣланные произвольно, но и тѣ, въ которыхъ грѣшникъ вовлекалъ другихъ, или, по чужому внушенію, участвовалъ въ нихъ, подвергнуты также строгому и торжественному истязанію. Всѣ души, увлеченныя грѣшникомъ въ порокъ, будутъ публично упрекать его въ своихъ грѣхахъ, къ которымъ онъ склонилъ ихъ, или подалъ поводъ; они громко объявятъ его коварныя внушенія, вѣроломныя совѣты, опасныя вспомошествованія, соблазнительныя примѣры, которыми онъ отвращалъ ихъ отъ вѣры, колебалъ добродѣтель, портилъ нравственность, одобрялъ ихъ пороки. Всѣ эти разнообразныя преступленія будутъ усвоены его лицу одинаково съ тѣми, которыя совершилъ онъ самъ.

Но, возмогутъ ли грѣшники покрыть всю эту массу грѣховъ, принесеннымъ за нихъ покаяніемъ? Безъ сомнѣнія, для истинно покаившихся, этотъ день обратится въ торжественный день ихъ побѣдной славы, въ который изгладятся ихъ грѣхи и обнаружится только строгость покаянія, очистившая ихъ и—добродѣтели, замѣстившія ихъ. Но то покаяніе, которое, ослѣпляя столько людей, уверяетъ ихъ въ возможности примиренія съ Богомъ, безъ раснѣяннаго міру, слишкомъ сомнительно и будетъ тогда оцѣнено по заслугѣ. Разбирая это ложное покаяніе, судъ войдетъ въ побудительныя

причины, вызвавшія его, въ степень сокрушенія о грѣхахъ, отвращенія и признанія въ нихъ; по развитію этого покаянія, онъ откроетъ, что сокрушеніе сердца было слабо, испытаніе себя—поверхностно, признаніе—неполно; по плодамъ его онъ увидитъ, что удовлетвореніе за грѣхи было недостаточно, исправленіе—несовершенно, примиреніе съ Богомъ—не искренно, сожалѣніе о содѣланныхъ грѣхахъ—ослаблялось преступнымъ желаніемъ поддаться имъ вновь, слабое произволеніе добродѣтели преодолевалось сильною привязанностію къ пороку. Слѣдуя далѣе, онъ выскнетъ во всѣ случаи ко грѣху, которыхъ не избѣжали, въ порочныя привязанности, которыхъ не исторгли, въ грѣховныя привычки, которыхъ не исправили, во всѣ разнообразныя страсти, которыхъ не укротили и все это тщетное покаяніе само подвергнется упрекамъ и осужденію.

Это еще не все. Въ этотъ ужасный день, Богъ разсудитъ не только грѣхи, но и *правоты*. Псал. LXXIV. 3. Когда по Его повелѣнію, возсіяютъ истинныя добродѣтели Его избранныхъ, до сихъ поръ сокровенныя, тогда Онъ обнаружитъ и ложныя добродѣтели, такъ долго обманывавшія міръ. Благочестіе бывшее только лицемѣріемъ, милосердіе изъ за хвастовства, щедрость—ради расчета, кротость—отъ безчувственности, снисходительность ради приличія, скромность—ради лукаваго тщеславія, ревность—отъ запальчивости, смиреніе—отъ притворства, однимъ словомъ, все, заслужившее несправедливо уваженіе на землѣ, тогда окажется въ настоящемъ видѣ и, въ одно мгновеніе, перейдетъ въ предметъ всеобщаго презрѣнія. Сколько дѣлъ, которыя, по самообольщенію или мнѣнію другихъ принимались, до сихъ поръ, за признакъ самой высокой нравственности и несомнѣннаго спасенія, окажутся тогда не только безплодными, но даже пагубными; не только мертвыми, но даже преступными!

Душа грѣшная, окаянная дщи Вавилоня! какъ смутишься ты, въ ту роковую минуту, когда по выраженію Пророка, *откроется нагота твоя и стыдъ твой!* Исаи. XLVII. 3. Ты иногда страшишься не Бога, предъ которымъ должна трепетать,—но и пересудовъ людей, тебя окружающихъ, и вотъ, цѣлая вселенная произнесетъ тебѣ приговоръ. Небо и земля соединятся противъ тебя и будутъ удручать тебя своимъ презрѣніемъ, своими упреками, своимъ проклятіемъ; ибо тогда исполнится пророчество Премудраго: *приметъ все оружіе рвеніе свое, и вооружитъ тварь въ мстѣ врагамъ.* Прім. V. 17.

Начинающимъ же симъ бывати, восклонитесь и воздвигните главы ваша: запе приближается избавленіе ваше. И рече притчу имъ: видите смоковницу и вся древа. Егда прошибаются уже, видяще сами вѣсте, яко близъ жатва есть. Тако и вы, егда узрите сія бывающа, видяте, яко близъ есть царствіе Божіе. Аминь глаголю вамъ, яко не имать преити родъ сей, дождеже вся сія будутъ. Небо и земля мимо идеть, а словеса моя неумутъ преити.

Предвозвѣстивъ страхъ и смущеніе грѣшниковъ въ день ихъ всемірнаго осужденія, І. Христось обращается къ тѣмъ, для которыхъ въ этотъ день возсіяетъ радость избавленія. Этимъ словомъ Онъ выражаетъ то, что тогда дѣйствительно совершится полное искупленіе. Хотя оно воздѣйствовало уже въ ту минуту, когда І. Христось умеръ на крестѣ за спасеніе рода человѣческаго; но, приложеніе его къ каждому человѣку, совершится только тогда, когда онъ пожнетъ его плоды на небѣ. Это неизреченное благодѣяніе было открыто и предложено всѣмъ грѣшникамъ: первый залогъ его они получили въ купѣли крещенія, гдѣ души ихъ освободились отъ власти діавола; когда же они снова добровольно подчинились ей, тогда имъ предложенъ былъ второй способъ искупить свою свободу—въ покаяніи; но, отвергну и этотъ выкупъ, они отнюдь не будутъ участниками божественнаго искупленія. Тогда какъ грѣшники, при видѣ этихъ знаменій, предварающихъ судъ, въ смущеніи поникнуть головами, предчувствуя ужасное назначеніе, ожидающее ихъ, праведники, въ упованіи на заслуги Христа, восклонять главы и будутъ созерцать небесныя обители, уготованныя въ наслѣдіе имъ. Изъ сравненія этого времени съ деревьями, употребленнаго Спасителемъ, можно заключить, что печальное и суровое время, причинившее столько страданій праведникамъ, минуется и для нихъ вступитъ ясная вѣчность, въ продолженіи которой, они будутъ обитать на землѣ дѣвственной, обновленной, украшенной всѣми красотами природы.

Вмѣстѣ съ пророчествомъ о разрушеніи міра, Божественный Спаситель возвѣщаетъ о вѣчной непреложности своихъ глаголовъ. Слово Божіе, существовавшее до сложенія міра и вызвавшее его изъ ничтожества, разрушивъ его, пребудетъ непреложенъ, какъ и всякое слово Божіе. Употребленное же здѣсь І. Христомъ преимущественно означаетъ Его святой законъ, принесенный Имъ на землю, который пребудетъ даже по разрушеніи вселенной. Главное различіе между этими двумя великими дѣяніями таково: Онъ сотворилъ вселенную, чтобы нѣкогда разрушить ее, и—Онъ же далъ религію, чтобы сохранить ее во вѣкъ. Сотворивъ небо и зем-

лю, Онъ ихъ *сберегаетъ* огию на день суда; II. Петр. III. 7. давъ бытіе своей религіи, Онъ, на всю вѣчность, опредѣлилъ ее въ награду тѣмъ, которымъ ея руководство послужило правиломъ для добродѣтельной жизни.

Внемлите же себѣ, да не когда отячуютъ сердца ваша обгаденіемъ и гнѣствомъ и печальми житейскими, и найдете на вы внезапно день той. Яко—спѣть бо придетъ на вся живушія на лицы всея земли. Бдите убо на всяко время молящеся, да сподобитесь убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ быти, и стати предъ Сыномъ Человѣческимъ.

Здѣсь I. Христось выводитъ заключеніе изъ великихъ истинъ, возвышенныхъ имъ. Ученіе о страшномъ судѣ не есть только умозерцательный догматъ, требующій одной вѣры. Спаситель открываетъ намъ, что оно должно служить двигателемъ и нашей дѣятельной жизни. Чтобъ не подвергнуться этому ужасному суду внезапно, нужно его предвидѣть; а невозможность предотвратить его, ставить въ необходимость готовиться къ нему. Для благовременнаго приготовленія къ этому дню, Господь указываетъ намъ два средства: бдѣніе и молитву. Молитвою мы испросимъ благопріятнаго мекода этого дня, бдѣніемъ — мы заслужимъ его; молитва приготовитъ насъ къ встрѣчи его, бдѣніе воспрепятствуетъ ему, во-схитить насъ внезапно. I. Христось, поставляя главную сущность христіанской дѣятельности въ этихъ двухъ спасительныхъ заповѣдяхъ и такъ часто напоминая о нихъ, показываетъ намъ необходимость усвоенія себѣ мысли о божественномъ судѣ. Это глубокое размышленіе о немъ, укрѣпило и усовершенствовало столько святыхъ; покрыло мучениками эшафоты; населило отшельниками пустыни; наполнило благочестивыми иноками и христіанскими дѣвами уединенныя обители, сохранившія строгость первыхъ вѣковъ и служащія священнымъ убѣжищемъ отъ соблазновъ міра; наконецъ, до сихъ поръ, приготовляетъ для небесной церкви столько будущихъ гражданъ изъ истинныхъ христіанъ, составляющихъ славу и украшеніе церкви земной. Всѣ эти высокія добродѣтели, возбуждающія наше удивленіе и благоговѣніе, которымъ мы не въ силахъ подражать, суть слѣдствія живой мысли о страшномъ судѣ. Почему же въ насъ она не производитъ подобныхъ дѣйствій? Потому что она не такъ глубоко укоренилась въ нашемъ умѣ. Нельзя допустить, чтобъ эта мысль не представлялась и намъ иногда, представляясь не ужасала бы насъ; но, мы снѣшимъ отогнать этотъ мимолетный страхъ, чтобъ не возмутитъ нашего пагубнаго спокойствія. Испытывая себя со вниманіемъ, мы увидимъ, что предметъ, ужасающій нашу мысль о судѣ, не есть будущій при-

оворъ, сопряженный съ своими ужасными послѣдствіями; но жертвы, необходимыя для устраненія его. Сколько разъ повторяли нашей совѣсти, открывавшей намъ эту спасительную мысль, отвѣтъ проконсула Феликса св. Павлу, когда онъ, со всею рвостію своего служенія, представлялъ ему важный догматъ о судѣ: *теперь поиди, а когда найду время, позову тебя*. Дѣян. XXIV. 25.

Грозная вѣчность постигнетъ насъ, если мы не будемъ страшиться этого ужаснаго суда! Настоящая окаменѣлость нашихъ сердець, служащая препятствіемъ къ этому страху, перейдетъ въ окаменѣніе отъ ужаса, когда произнесутъ намъ приговоръ. Посгараемся же усвоить себѣ этотъ спасительный страхъ до такой степени, чтобъ онъ овладѣлъ нашимъ умомъ, сердцемъ, воображеніемъ и всѣмъ существомъ. Тогда, руководя нашими дѣлами, онъ будетъ направлять ихъ по волѣ Божіей: къ религіи онъ возбудитъ горячность, при упражненіи въ покаяніи,—дастъ силы выполнить его съ радостію, въ дѣлахъ милосердія—подвигнетъ на щедрость, въ обязанностяхъ службы—напомнить долгъ вѣрности, въ искушеніяхъ—дастъ мужество побѣдить ихъ, въ благополучіи—внушитъ умеренность, въ бѣдствіи—поддержитъ силы духа и предохранитъ отъ унынія. Чѣмъ болѣе мы будемъ страшиться этого грознаго суда, тѣмъ менѣе онъ будетъ ужасенъ для насъ; чѣмъ глубже будемъ размышлять о немъ, пока онъ отдаленъ, тѣмъ спокойнѣе будемъ приближаться къ нему и, чѣмъ болѣе будемъ готовы встрѣтить его, тѣмъ съ большею славою выйдемъ изъ него.

ИЗЪ ПУБЛИЧНЫХЪ ЧТЕНІЙ

(Продолженіе).

О Блаженномъ Августинѣ.

Очеркъ сочиненій Блаженнаго Августина съ краткимъ указаніемъ на предметъ и содержаніе оныхъ.

Письменные произведенія Блаж. Августина такъ многочисленны, предметы, о которыхъ разсуждаетъ онъ, такъ разнообразны, содержаніе оныхъ для утвержденія истинной вѣры и нравственности христіанской, а также для истиннаго христіанскаго любомудрія столь важны, и общеинтересны, что для желающихъ пользоваться

для назиданія въ вѣрѣ и благочестіи сочиненіями Блаж. отца сообразно духовнымъ потребностямъ, цѣлямъ и нравственному состоянию (каждаго любознательнаго и благочестиваго христіанина) не бесполезно имѣть въ виду возможно полный и подробный перечень твореній этого неутомимаго, блаженнаго и великаго учителя святой церкви съ краткимъ изложеніемъ главнаго предмета и содержанія важнѣйшихъ изъ нихъ. *

Всѣ сочиненія Блаж. Августина по своему содержанію относятся частью къ Богословію *Догматическому*, или что тоже состоятъ въ изясненіи, утвержденіи и защищеніи св. догматовъ православной вѣры, частью къ Богословію *Обличительному* и служатъ къ обличенію и опроверженію заблужденій неправовѣрія и неправомыслія, частью къ Богословію *Истолковательному* или къ правильному разумѣнію и изясненію, въ назиданіе свое и другихъ, подлиннаго смысла Свящ. Писанія—или къ Свящ. Герменевтикѣ, частью къ Богословію *Нравственному*—или къ ученію о христіанской нравственности, —куда принадлежать очень многіе трактаты и проповѣдническіе труды Блаж. учителя церкви, какъ—то *Слова* и *Весьды* его, также *Изясненіе псалмовъ* и *письма* о предметахъ нравственности, и церковной обрядности (дисциплинѣ), частью наконецъ—къ *Философіи* и изящнымъ искусствамъ, куда относятся главнымъ образомъ сочиненія написанныя Августиномъ до крещенія его въ 387 г. и другія творенія, написанныя противъ Манихеевъ, Донатистовъ и Пелагіанъ.

* Пособіями для сего послужать намъ:

- 1.) Обзорніе своихъ писаній—съ рецензією оныхъ (*Retractationes*) 2 кн. и Обзорніе своей жизни (*Confessiones*) 13 книгъ. Томъ 1. Edit. Monusn. L. Benedict. Venetus. 1431 ann.
- 2.) Жизнь и Творенія Блаж. Августина. Кіевъ. Въ Универс. Типогр. 1855 г.
- 3.) Блаж. Августинъ какъ Психологъ. Е. Скворцева. Кіевъ. 1870 г.
- 4.) Историч. ученіе объ отцахъ церкви. Филарета Арх. Черниг. Спб. 1859 г.
- 5.) Философія отцовъ церкви.

Такое исчисленіе твореній Блаж. Августина согласно раздѣленію оныхъ по предмету и главному содержанію сверхъ общей пользы и назиданія (1 Коринѣ. 14, 26), такъ какъ *мы многіе, по Апостолу, составляемъ одно тѣло во Христѣ, а порознь — одинъ для другаго члены* (Римл. 12, 5), — приблизить насъ къ главной цѣли нашихъ чтеній, — къ извлеченію изъ сочиненій Блаж. Августина главнѣйшихъ пунктовъ его ученія а) о важнѣйшихъ догматахъ христіанскаго вѣроученія б) о предметахъ христіанской нравственности и добродѣтели, и в) необходимѣйшихъ предметахъ благочестиваго христіанскаго любомудрія, какъ напр. о душѣ и духовныхъ силахъ и способностяхъ чловѣка въ отношеніи ихъ къ благодатнымъ духовнымъ дарованіямъ, къ Промыслу Божію о мірѣ и чловѣкѣ, въ вѣчному спасенію.

Уже въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, поименованныхъ въ предшествовавшихъ чтеніяхъ, какъ-то: *Противъ Академиковъ*, о *порядкѣ, въ самособесѣдованіяхъ*, въ сочиненіи о *Блаженной жизни* — по основному взгляду на предметы, въ нихъ разсматриваемые и по способу изслѣдованія, основанному на началахъ разума, и его основныхъ законахъ истины, лежащихъ въ самой духовной природѣ чловѣка, Августинъ является больше чѣмъ простымъ мыслителемъ, является, можно сказать, самостоятельнымъ христіанскимъ философомъ. Но болѣе всего въ сочиненіяхъ психологическаго содержанія въ Блаж. Августинѣ можно видѣть христіанскаго философа, чѣмъ богослова. Такъ въ сочиненіяхъ, въ которыхъ трагуетъ напр. о такихъ предметахъ, какъ о природѣ души, объ основныхъ свойствахъ души чловѣка, отличающихъ чловѣка отъ животныхъ, о духовности души, какъ единаго нематеріальнаго *начала жизни и дѣятельности, начала отъ тѣла совершенно отличнаго, самостоятельнаго, простаго по существу, неизмѣняемаго по бытію, и измѣняемаго только по усовершенности*, также въ ученіи о происхожденіи души, о связи ея съ тѣломъ и взаимодействіи души и тѣла въ одномъ чловѣкѣ, о безсмертіи души, или продолженіи ея бытія по смерти тѣлесной, о различіи состоянія душъ по смерти по различію нравственнаго состоянія людей въ этой жизни, о неизбѣжности послѣдняго всеобщаго Суда Божія и праведнаго воздаянія каждому по его дѣламъ, въ ученіи объ ощущеніи, чувствованіи

разумъ и друг. познавательныхъ способностяхъ, наконецъ о свободной волѣ, — во всѣхъ такого рода сочиненіяхъ своихъ — Блаж. Августинъ представилъ въ высшей степени замѣчательные образцы христіанской философіи, такъ что особенно своимъ ученіемъ о душѣ и о ея силахъ и способностяхъ никто изъ Отцевъ Церкви не имѣлъ такого важнаго значенія и какъ систематикъ не занималъ такого почетнаго мѣста въ Исторіи Философіи, какъ Блаж. Августинъ. Начиная съ 5 и до 17 в. включительно самые лучшіе изъ свѣтскихъ христіанскіе писатели почитали себѣ за честь именоваться учениками Блаж. Августина. Такими сочиненіями, изъ коихъ составляютъ полное психологическое ученіе о душѣ человѣка, и коими мы будемъ пользоваться въ извлеченіи основныхъ пунктовъ сего ученія, (руководствуясь главнымъ образомъ извѣстнымъ для не многихъ сочиненіемъ: Блаженный Августинъ какъ психологъ Кіевъ 1870 г.) сверхъ упомянутыхъ прежде философскаго содержанія его сочиненій признаются слѣдующія:

13 книгъ Исповѣданій, заключающихъ полное, психологическими замѣчаніями, выводами и заключеніями обогащенное прагматическое обзорѣніе своей жизни. (*Confess. libr. XIII.*) (напис. около 400 г.).

Одна книга объ Учителѣ (*de Magistro* — около 789 г.), которая показываетъ, что глубочайшее основаніе для познанія истины лежитъ во врожденномъ душѣ человѣка стремленіи къ истинѣ, или въ идеѣ истины, къ недолжному познанію которой однако можетъ привести человѣка только — одна Вѣчная Истина, Слово Божіе — Иисусъ Христосъ, Который есть Вѣрный путь, и Сама Вѣчная Истина, и Истинная жизнь. (Іоан.).

О свободной волѣ (*de libero arbitrio* 3 кн. 387 г.), рѣшаетъ вопросы: откуда зло въ мірѣ? отвѣчаетъ: отъ свободной воли; что такое зло? отв. — грѣхъ и его слѣдствіе — страданія. Въ чемъ состоитъ грѣхъ и страданіе? отв. — въ произвольномъ удаленіи отъ Бога — Источника жизни и блаженства. Что такое свобода? отв. — свойство духовной природы — жить и дѣйствовать такъ или иначе по свободному выбору.

О твореніи міра (2 кн. противъ Манихеевъ 400 г.) содержитъ въ себѣ буквальное изъясненіе повѣствованія Моисея о происхожденіи міра и человѣка, особенно Изъясненіе 1-й главы Бытія, направленное противъ философскаго дуализма началъ въ ученіи о происхожденіи міра и человѣка.

О нравахъ Каволической Церкви и нравахъ Манихеевъ 2 кн. (388 г. противъ Манихеевъ, которые соблазнили неопытныхъ христіанъ своею мнимою мудростію, — святостію жизни, и своею мнимою умѣренностію и воздержаніемъ). Въ 1-й книгѣ доказывается, что одинъ Богъ можетъ указать намъ правила истинно, жизни, и Онъ указалъ ихъ въ Свящ. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта (lib. I, сар. III—VII), а именно: основной законъ истинной жизни, по словамъ Августина, выражается въ заповѣди о любви къ Богу и ближнему, и всѣ истинныя добродѣтели суть ничто иное какъ виды сей любви (сар. VIII—XXVI). Сему закону жизни и слѣдуетъ Православная Церковь, какъ можно это видѣть изъ многочисленныхъ примѣровъ святой и совершенной жизни Св. отшельниковъ, подвижниковъ, иноковъ и инокинь, епископовъ, клириковъ и изъ народа — людей всякаго званія, пола и возраста. Во 2-й кн. опровергается ложное ученіе Манеса и его послѣдователей о происхожденіи и природѣ зла, рѣшается, что зло не есть какая-либо природа и самостоятельная сущность, но есть порча природы, недостатокъ, уменьшеніе бытія, стремленіе къ самоуничтоженію, и потому оно не отъ Бога. Собственно отъ человѣческой свободы и всякій въ мірѣ предметъ можетъ быть добромъ и зломъ по употребленію, при извѣстномъ отношеніи къ другому, и при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такъ огонь согреваетъ, но и жжетъ, вода наполяетъ но и топитъ; воздухъ живить но и убиваетъ. Наконецъ облачаетъ нечестіе и нелѣпность въ образѣ жизни послѣдователей Манесова ученія и доказываетъ, что самая добродѣтель ихъ въ сущности есть порокъ.

Объ истинной религии (трактатъ 340 г.) показываетъ, что одна истинная религія есть та, которая можетъ вести человѣка въ истиннѣ, добродѣтели и блаженству, — и такая религія есть одна религія Христіанская. Поэтому съ утвержденіемъ въ мірѣ Хри-

стовой Церкви нѣтъ больше мѣста сомнѣнію и вопросу, гдѣ найти истинную религію.

Истинной религіи не должно искать ни у язычниковъ, ни у философовъ, ни у еретиковъ, ни у раскольниковъ, ни у іудеевъ, но въ одной Православно Католической Церкви (сар. I-IV и V-VI.) *О музыкѣ* (6 книгъ 389 г.) Цѣль этого сочиненія — возвести къ Богу и вѣчной гармоніи чувствованія и мысли тѣхъ, кои любятъ словесность, музыку и поэзію. Въ психологическомъ отношеніи особенно важна 6-я кн., въ которой послѣ рѣшенія вопросовъ объ отношеніи звуковъ и чиселъ къ чувству, воображенію и памяти и о степени участія разума въ произведеніи гармоническихъ (аккордовъ) сочетаній тоновъ, звуковъ и чиселъ — въ музыкѣ, — также какъ ритма въ поэзіи. Августинъ приходитъ къ заключенію о разумности души человѣческой.

Наконецъ самое важное въ философскомъ отношеніи психологическое сочиненіе его *о достоинствѣ, качествахъ и происхожденіи души* (de dignitate animae nap. 388 г.), въ которомъ послѣ рѣшенія исторически вопросовъ: о происхожденіи души, о связи ея съ тѣломъ, о превосходствѣ души надъ тѣломъ, о господствѣ ея надъ нимъ, и выводится за тѣмъ заключеніе о ея духовности, или безтѣлесности, о томъ что душа не имѣетъ ни величины, ни протяженія, а потому не измѣнна по существу, и измѣняема только по усовершенствованію. Къ сему же разряду философскихъ сочиненій принадлежатъ: сочин. *о двухъ душахъ* (de duabus animabus 391 г.) противъ философскаго дуализма въ ученіи о природѣ человѣка; и одна книга о духѣ и одушѣ (de spirito et anima) *о пользѣ вѣры* (de utilitate credendi 391 г.) противъ тѣхъ, кои на томъ основаніи, что умъ человѣческій есть лучъ Божества, безразсудно усиливаются постигнуть умомъ тайны вѣры; *о природѣ добра* (de natura boni 1 кн. 404 г.), *о лжи* (de mendacio 395 г.) и *противъ лжи* (contra mendacium 420 г.), *о вѣрѣ въ невидимое* (de fide rerum, quae non videntur 399 г.), гдѣ показывается основаніе вѣры въ самомъ духѣ нашемъ, именно, что всѣ люди по необходимости вѣрятъ многому, что не только видѣтъ но и разумѣть не могутъ; безъ этого не могло бы существовать и стоять никакое

гражданское общество; но вѣра христіанская имѣетъ то преимущество предъ естественною вѣрою, что она имѣетъ очевидные и для разумнаго убѣжденія основанія истинности, (кроме своего Божественнаго происхожденія), каковы пророчества, исполненіе коихъ можетъ всякій видѣть собственными глазами, особенно пророчества о призваніи язычниковъ во Святую Церковь и о распространеніи Евангелія по всему міру³⁰⁾. Но если бы не было и пророчествъ, прибавляетъ Августинъ, то самое измѣненіе міра, произведенное вѣрою Христовою, неопровержимо доказываетъ, что вѣра сія отъ Бога, а не отъ людей. Сюда же принадлежатъ: многія письма,³¹⁾ также *Изясненіе на псалмы* и *Отвѣты* Августина на 83 вопроса. (388 г.) *Вся 19-я книга* огромнаго сочиненія о градѣ Божіемъ, гдѣ Августинъ съ философскою критикою разбираетъ и показываетъ не состоятельность 88 ми мнѣній различныхъ философовъ о *верховномъ блазѣ* или о *верховой цѣли* жизни человѣка, и наконецъ «*О благодати и свободной воли*» (de gratia et libero arbitrio (427 г.) и вслѣдъ за тѣмъ «*объ исправленіи и благодати*» (de correptione et gratia). По той полнотѣ и подробности, съ какою въ этихъ двухъ сочиненіяхъ раскрыто Августиномъ ученіе объ отношеніи свободы человѣка къ благодати—это послѣднее сочиненіе названо отъ богослововъ «золотымъ».

Теперь, при сокращеніи и сведеніи къ одному знаменателю разнородныхъ пунктовъ и началъ психологическихъ изслѣдованій Августина съ ихъ результатами, чтобы удержать одну главную нить его *мыслей* о природѣ человѣка и особенно о важнѣйшей части

30) Это и св. Іоаннъ Златоустъ почитаетъ самымъ важнымъ и самымъ сильнымъ доказательствомъ Божеств. происхожденія христ. Религій. Весѣд. О воскресеніи и распространеніи по всему міру Евангельскія проповѣди.

31) Изъ нихъ очень важны въ Психолог. отношеніи: о природѣ и происхожденіи души (165, 166, 190, 195, 205). О разумѣ (92, 147, 148). О свободной воли (236, 237, 246, 286). О высочайшемъ блазѣ (118, 137). О свойствахъ тѣла прославленнаго (95, 102). О смерти тѣлесной какъ слѣдствіи грѣха (193). Изъ поименованныхъ замѣчательны особенно: къ Іерониму (166) и Олигату (190 и 195).

его существа—о *душѣ*, и не быть слишкомъ взыскательными къ блаженному христіанскому писателю на счетъ неполноты и нѣкоторой односторонности въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ философскаго ученія о душѣ, намъ слѣдуетъ предварительно отмѣтить *характеръ, побужденіе, направленіе и цѣль* психологическихъ занятій и изслѣдованій Августина. Началомъ, изъ котораго выходитъ Августинъ во всехъ своихъ разсужденіяхъ о душѣ,—служить для него наблюденіе разума или опытное самосознаніе—какъ надежнѣйшій путь, чрезъ познаніе самаго себя, возводящій человѣка къ познанію Бога и надлежащихъ отношеній человѣка къ Богу. Тутъ Августинъ старается согласить опытное познаніе разума о природѣ человѣка и двоякій взглядъ разума на тягостныя и непримиримыя при пособіи одного разума противорѣчія въ человѣкѣ примирить со взглядомъ Богооткровеннаго ученія на свѣтлую и мрачную сторону природы нашей. Это начало приводитъ Августина, чрезъ опроверженіе философскихъ ученій о двухъ верховныхъ начахъ міра добромъ и зломъ, къ заключенію, что одинъ есть виновникъ всего сотвореннаго—и міра и человѣка—Богъ, Творецъ міра и человѣка, и что Богъ сотворившій все добро зѣло, не виновникъ зла, замѣчаемаго теперь въ мірѣ и въ человѣкѣ. А потому, когда показано, что свободная воля есть неизмѣнный существенный атрибутъ человѣческой природы,—то уже рѣшенъ и вопросъ: что такое зло, и откуда зло и въ мірѣ и въ человѣкѣ. Именно начало зла—*пшъ*, продолженіе и умноженіе зла развивается въ неравной борьбѣ—добра со зломъ; но то и другое зло—дѣйствія свободной воли, а отсюда т. е. отъ зла нравственнаго или отъ грѣха—какъ естественное его слѣдствіе—и зло физическое—страданія, недостатки и болѣзни человѣка, и страданія въ ей твари, вслѣдствіе злоупотребленія человекомъ всеми покоренными его власти существами, вещами и предметами міра.

Главнымъ *побужденіемъ* къ изслѣдованію и разрѣшенію важнѣйшихъ психологическихъ вопросовъ о природѣ человѣка служило для Августина настоятельное непримиримыми противорѣчіями энергично и сознательно въ его жизни возбужденное стремленіе и желаніе познать природу собственной своей души для того, чтобы имѣть возможность освободиться отъ порочныхъ стремленій.

чтобы побѣдоносно окончить борьбу, происходившую въ немъ самомъ между хорошими и дурными чувствованіями³²⁾ и чтобы вѣрнѣе и прямѣе добраться до корня всего злаго и, яснѣе познавъ зачаточное въ своемъ основаніи, но слабое въ своемъ развитіи начало всего хорошаго и добраго, съ твердою рѣшимостію и силою воли, исторгнуть у себя, какъ чужеродное растеніе, подавить—какъ паразита этотъ ядовитый корень зла. Результатомъ такого самоиспытанія было 13 книгъ исповѣданій, составляющихъ рѣдкую по безпристрастію къ самому себѣ, правдивую по отрѣшенности отъ всѣхъ эгоистическихъ интересовъ кромѣ важнаго интереса простой и нагой истины, и вѣрную по выводамъ и заключеніямъ изъ наблюденій и фактовъ вдохновенно—философскую автобіографію Августина. Внѣшнимъ поводомъ и къ вѣрнѣйшему самопознанію, и къ изслѣдованіямъ о природѣ человѣка вообще, послужили для Августина частыя состязанія его, по долгу пастыря и учителя Св. церкви, съ еретиками и раскольниками своего времени: *Манихеями, Пелагианами, Донатистами* и др. переносившими ложныя и неправильныя понятія оприродѣ человѣка на почву релігіозно-церковную, на христіанскія вѣрованія и на самую жизнь христіанскую, внося заблужденія и ереси въ самое исповѣданіе вѣры и въ догматы христіанскіе. Отъ того всѣ психологическія сочиненія и трактаты Августина и доказательства въ нихъ носятъ характеръ философско-релігіозной полемики—характеръ опроверженія ложныхъ мнѣній и обличенія неправомыслящихъ. А отъ того, съ тѣхъ поръ, какъ Августинъ убѣдился въ *духовности* души и озарилъ её, по его же выраженію, свѣтомъ христіанства, разсыпались въ прихъ всѣ доказательства Манихеевъ о существованіи въ человѣкѣ *двухъ душъ*, о невозможности побѣдить злое начало и т. под., и потому онъ неуклонно самъ шель путь добродѣтели³³⁾. Цѣль какъ личнаго самопознанія, такъ и всѣхъ своихъ психологическихъ сочиненій Августинъ поставлялъ въ духовной практической пользѣ отъ вѣрнаго и полнаго познанія нашей природы для истинно—христіанской, согласной съ откровеніемъ и Евангеліемъ жизни т. е. для истинной добродѣтели. Ту же самую цѣль онъ предлагаетъ и всѣмъ тѣмъ,

32) Блаж. Августинъ стр. 78.

33) Блаж. Авг. какъ Психологъ. Тамъ-же.

кои занимаются психологическими наблюдёніями. «Родъ человѣческой, пишетъ Августинъ, почитаетъ очень важнымъ знаніе вещей земныхъ и небесныхъ, но гораздо больше имѣетъ цѣны знаніе насъ самихъ, гораздо больше достоинъ похвалы человѣкъ, которому извѣстна его собственная немощь, чѣмъ тотъ, кто испытываетъ и познаетъ пути звѣздъ, а не вѣдаетъ пути ко спасенію. Мудрецъ предпочитаетъ знаніе знанію; онъ лучше хочетъ знать свое безсиліе, чѣмъ знать огражденія міра, основанія земли и вершины неба, называя это знаніе *произволеніемъ* ³⁴⁾ Познай, что ты! познай себя безсильнымъ, познай грѣшникомъ, познай, что ты запятнанъ, въ твоёмъ исповѣданіи откроется пятно сердца твоего, сознаніе грѣховъ заставитъ искать врача ³⁵⁾. Но кто этотъ врачъ? Господь Иисусъ Христосъ! вотъ высшая цѣль наша! Мы должны почаще заглядывать въ собственное сердце для того, чтобы чрезъ познаніе себя самихъ убѣждаться въ нашей немощи и необходимости помощи Бога, Который есть единственный источникъ жизни, просвѣщенія, блаженства. ³⁶⁾ Душа наша имѣетъ разумъ, гдѣ есть образъ Божій, гдѣ обитаетъ Христосъ, снизойди-же въ глубину своей души, и тамъ во внутреннемъ человѣкѣ ты ободришься для уподобленія Богу; въ образѣ своемъ познаешь виновника его ³⁷⁾. Богъ при насъ; Онъ въ душѣ нашей, а потому истинное познаніе души неразрывно связано съ познаніемъ Бога—*pergit me, pergit te*. Мысль Августина, что познаніе души ближайшій для насъ путь къ познанію Бога аналогична съ мыслию св. Василія В. о томъ-же. Въ словѣ на язычниковъ онъ говоритъ: Путь къ Богу не такъ далекъ, какъ превысшій всего Богъ. Онъ въ насъ самихъ. Чтоже это за путь? отвѣчаю: это ты самъ, это твоя душа. ³⁸⁾ Истинное счастье и блаженство наше въ Богѣ. *Nihil cor meum inquietat, nisi in Te requiescat.*

Итакъ заручившись понятіемъ о характерѣ, побужденіи и цѣли психологическаго ученія Августина, мы приступаемъ къ

34) De Trinit. IV proem.

35) Lerm. 137.

36) Блаж. Августинъ какъ Псих. стр. 48.

37) Confess. X. 7.

38) Solyloq. II. 3.

извлеченію изъ его сочиненій главныхъ пунктовъ ученія его о самыхъ важныхъ вопросахъ Психологіи, и въ *первыхъ* приводимъ Августиново *опредѣленіе* души. Характеристической чертою души человѣческой Августинъ первѣе всего поставляетъ разумность. Человѣкъ, гов. онъ, древними мудрецами такъ опредѣляется: человекъ есть существо разумное, смертное ³⁹⁾ Эти два слова *разумное*, *смертное* указываютъ, по моему мнѣнію, на то, къ чему долженъ человекъ стремиться и чего избѣгать. Названіемъ *разумное* человекъ отличается отъ животныхъ, названіемъ смертное отъ Божества; если душа не будетъ держаться перваго свойства, то сдѣлается *животною*, а если не будетъ отвращаться послѣдняго, то не сдѣлается *богоподобною* ⁴⁰⁾.

Первое, что свидѣтельствуетъ о разумности души человѣческой, по ученію Августина, это *актъ самосознанія*, по которому мы непосредственно чувствуемъ и сознаемъ что мы существуемъ, живемъ, и при томъ ничего другаго не сознаемъ такъ ясно и такъ несомнѣнно, какъ то, что мы существуемъ. Изъ этого акта самосознанія вытекаютъ непосредственно три несомнѣнныя истины. Если, говоритъ онъ, я знаю то что я существую, то знаю и то что я имѣю это самое сознаніе, и если духъ, сознавая себя и, свое бытіе, стремится къ тому, чтобы лучше познать себя, и воспламеняется этимъ желаніемъ, то значить любить и свое бытіе и самое знаніе своего бытія. Итакъ три предмета для разума самые несомнѣнныя, именно: мы существуемъ, сознаемъ наше бытіе и любимъ какъ самое бытіе, какъ и познаніе о немъ ⁴¹⁾. Сознаніемъ себя обусловливается и сознаніе и всего прочаго, т. е. познаніе и всего того, что наблюдается и пріобрѣтается посредствомъ чувства и разума. Если бы мы не имѣли сознанія о себѣ, то не могли бы имѣть сознанія и о томъ, что воспринимаемъ и познаемъ ⁴²⁾. Такимъ образомъ Августинъ несомнѣннымъ актомъ самосознанія утверждая, какъ первую и главную истину—начало всѣхъ прочихъ истинъ—всеобщность сознанія и убѣжденія въ нашемъ собственномъ

39) Homo est animas rationale mortale.

40) De musica. VI. 13.

41) De Trinit. X. 3. XV. 12.

42) De Trinit. IX. 3.

существованіи, положилъ уже начало для совершеннаго переворота въ области философіи и особенно Психологіи за 9 вв до Декарта, который своимъ основнымъ положеніемъ: *Cogito ergo sum* дѣйствительно сдѣлалъ этотъ поворотъ въ философіи и который въ одномъ изъ своихъ писемъ на замѣчаніе о сходствѣ его философскаго начала съ Августиномъ писалъ: я весьма радуюсь встрѣчѣ съ Блаж. Августиномъ на этомъ пунктѣ ⁴³⁾... Я радъ, что мысли мои согласны съ мыслями столь святаго и славнаго мужа.

«Но для того, чтобы познать себя», говоритъ Августинъ, человекъ долженъ почаще отвлекаться отъ чувственнаго, собирать—духъ въ себя самаго, и остановиться на себѣ, потому что истина внутри насъ. Духъ видитъ себя чрезъ себя. Дабы видѣть себя, онъ не ищетъ тѣлеснаго глаза. Даже отъ всѣхъ тѣлесныхъ чувствъ отвлекаетъ себя къ себѣ, дабы видѣть себя въ себѣ, дабы знать себя у себя (п)

(Продолженіе слѣдуетъ).

Оригенъ противъ Цельса.

(Продолженіе).

По достойномъ защищеніи христіанъ противъ упрековъ, будтобы они намѣсто стараго порядка, на которомъ основывались государство и религія, ввели анархію, Оригенъ переходитъ къ оправданію нововведеній въ ихъ богослуженіи (культѣ). Эти нововведенія съ политической точки зрѣнія трактовались тоже, какъ революціонныя проявленія, потому что безъ правительства не позволялось вводить ничего новаго ни въ какой области. Оригенъ представляетъ на видъ духовность богослуженія (культы) и откровенно признается, что церковь не имѣетъ ни святилища ни алтарей, ни изображеній, но оно приноситъ духовное служеніе Богу, который есть Духъ. Церковь, кромѣ души, не имѣетъ никакаго другаго алтара и не возноситъ ни какаго другаго еміама, кромѣ еміама молитвы. ²³⁾ Монументы, достойные Бога, не тѣ, которые выходятъ изъ мастерской скульптора, но тѣ которые приготовляетъ въ насъ слово Божіе.—Это добродѣтели, чрезъ которыя мы подражаемъ

43) Блаж. Авг. какъ Психол.

23) Кальнеръ разъясняя недоразумѣніе, что утверждаетъ Цельсъ и Оригенъ воглашается, будтобы христіане не имѣли никакихъ храмовъ и алтарей, а

перворожденному всея твари, который представляет насъ въ себѣ вѣрными образами правды, благоразумія, мужества, мудрости и благочестія (VIII, 794). Между тѣмъ какъ мы образуемъ себѣ по этому совершенному образу невидимаго Бога, мы становимся живыми изображениями добра и истинной красоты. Безсмертный мраморъ, изъ котораго Фидій сдѣлалъ олимпійскаго Юпитера, оказывается грубымъ предъ идеальной красотой созданной по образу Божію души. Каждый христіанинъ есть храмъ Духа Святаго. Если мы не имѣемъ также никакихъ праздниковъ, которые походили бы на ваши, то одна-кожъ вся наша жизнь въ послушаніи есть хвала въ че сть Бога. Такимъ образомъ нашъ культъ на столько же превосходить вашъ, на сколько духъ превосходитъ матерію (VIII, 784, 95, 96).

Послѣднія нареканія, которыя дѣлались христіанамъ, содер-жать удивительное противорѣчіе. Съ одной стороны возражали противъ ихъ униженнаго и презрѣннаго состоянія и ихъ страданія, съ другой обвиняли ихъ за то, что они заботились толь-ко о себѣ, о своихъ личныхъ интересахъ и никакой другой сви-зующей силы или причины не имѣли, кромѣ боязливаго страха. Оригенъ побѣдоносно отклоняетъ эти нареканія отъ христіанъ. Какъ могли утверждать, что христіане только о самихъ себѣ заботятся, а о спасеніи міра не думаютъ, когда видѣли, какъ они жертвуютъ всею и все оставляютъ, чтобы провести Евангеліе не только отъ города въ городъ, но и отъ селенія въ селеніе, и какъ они воз-вѣщаютъ его во всею мірѣ, — когда видѣли, какъ они на свои испол-ненныя всевозможныхъ лишений путешествія ничего не берутъ, кромѣ самаго необходимаго? (III, 682) Какимъ образомъ можно обвинять въ трусости тѣхъ, которые ничего не боятся, кромѣ су-да Божія? Настойчиво утверждаютъ, что они — отребіе земли. Но обманываются: эти жалкіе о которыхъ думаютъ, будто бы они отвержены небомъ, въ существѣ дѣла — скрытая подпора міра, ко-торый только въ слѣдствіе ихъ молитвъ поддерживается, — они де-сятъ праведниковъ содомскихъ. «Они сохраняющаяся соль земли и земля стоить до тѣхъ поръ, пока соль не испортится» (VIII, 808).

нельзя объяснить это тѣмъ, что Оригенъ понималъ храмы и алтари въ язычес-комъ смыслѣ слова и потому то отвергалъ ихъ. У христіанъ были церкви (ἐκκλησία) а не храмы (ναός), были жертвенники (θυσιαστήρια), а не языческие алтари, но едвали съ этимъ можно согласиться. Естественно ду-мать, что Оригенъ, желая выставить превосходство христіанскаго богослу-женія въ его духовности, не считъ нужнымъ говорить овидимыхъ храмахъ и жертвенникахъ. Это своего рода односторонность или промахъ. Талантли-вый апологетъ не чуждъ блгу подобнаго рода прайностей.

Христіане переносятъ преслѣдованія въ такой мѣрѣ, въ какой угодно Богу. Если угодно будетъ сдѣлать конецъ этимъ преслѣдованіямъ, то ученики Христовы выйдутъ неповрежденными изъ разъяренной ненависти міра сохраняемые тѣмъ, кто сказалъ: «держайте, яко Азь побѣдихъ міръ». (Іоан. 16,33). Онъ въ самомъ дѣлѣ побѣдилъ его, и міръ не имѣетъ ни какой другой власти, кромѣ той, которую допускаетъ еще его побѣдитель. Мы полагаемъ свое упованіе на его побѣду. «Если Богу угодно послать насъ на борьбу благочестія, то мы идемъ на встрѣчу нашимъ врагамъ съ восклицаніемъ: я всемогущъ Христомъ, который дѣлаетъ меня могущественнымъ; всѣ волосы на нашей головѣ сосчитаны. Печаль для христіанина въ дѣйствительности есть благодѣяніе: она испытываетъ его вѣру и приготовляетъ его для блаженства. (VIII, 808).

На возраженія противъ церкви за неразвитость и невѣжественность многихъ изъ ея членовъ, апологетъ съ краснорѣчіемъ любви отвѣчаетъ, что величайшая слава новой религіи—думать объ отверженныхъ міра сего. Это незначитъ, что она устраняетъ мудрыхъ людей съ обширными знаніями и покровительствуетъ невѣжеству; нѣтъ, она знаетъ, что знаніе есть путь къ истинѣ; только она хочетъ одинаково всѣмъ людямъ оказать свои благодѣянія. (III, 693). «Мы откровенно признаемся, что мы желаемъ научить словомъ Божиимъ всякое созданіе человѣческое; даже мы желаемъ молодой женщинѣ дать приличное ей увѣщаніе и научить раба какимъ образомъ онъ (хотя онъ внутренно свободенъ) сдѣлался свободнымъ по нашей религіи. Мы считаемъ себя должниками какъ невѣждъ, такъ и ученыхъ. Мы никого не устраняемъ отъ себя: ни грубаго раба, ни невѣжественную женщину, ни дитя; но мы принимаемъ ихъ съ тѣмъ, чтобы исправить. Разбойникъ неисключается! Если мы его призываемъ къ себѣ, то призываемъ не съ тѣмъ, чтобы увеличить свою шайку, подобно ворами, а съ тѣмъ, чтобы перевязать раны его души истиною и влить въ нихъ бальзамъ слова, который дѣйствительнѣе, чѣмъ вино и елей». (III, 691—694) Короче, достойный этого имени прозелитизмъ, не имѣетъ ничего въ себѣ предосудительнаго и достойнаго порицанія; цѣль его—невѣжественныхъ привести къ истинѣ. Что можно порицать въ Христѣ, который, какъ челоуколюбивый врачъ, ищетъ больныхъ съ тѣмъ, чтобы исцѣлить ихъ,—и утомленныхъ, чтобы дать имъ новыя силы. (III, 699)? Апостоловъ Христовыхъ и вообще христіанскихъ миссіонеровъ нельзя сравнивать съ обманщиками, или съ низкими ремесленниками, которые отвращали молодыхъ людей отъ почетныхъ отцевъ и славныхъ учителей, чтобы посвятить ихъ въ свое ремесло. «Эти презрѣнные ремесленники, говоритъ Оригенъ, суть люди, которые всѣми средствами возво-

дать наши души къ творцу всѣхъ вещей, которые научаютъ насъ презирать все что чувственно и скоропреходяще, и входить въ общеніе съ Богомъ. Что мы научаемъ людей, которыхъ мы, какъ обвиняютъ насъ, обольщаемъ, это по меньшей мѣрѣ, гораздо достойнѣе, чѣмъ то, чему они научились отъ nocturnalныхъ родителей, о которыхъ такъ много говорятъ. Молодыхъ женщинъ мы исторгамъ изъ разврата, безстыдныхъ танцевъ театра и изъ суетвѣрія. Молодыхъ мужчинъ мы удерживаемъ отъ сладострастія, открывая имъ не только всю низость такого удовольствія, но и опасности, которыми сопровождается это удовольствіе, и наказанія, которыя оно привлечетъ имъ. (Ш, 694—95). Ибо чему юношество научилось столь прекрасному и достойному удивленія, что бы можно было пожалѣть объ немъ? Оно научилось наполнять театры и грязныя мѣста, оно было посвящено во всѣ пороки. Эти не чистыя воспоминанія были не такимъ драгоценнымъ сокровищемъ, чтобы можно было его сберечь. Нельзя также ихъ сравнивать съ пьяными, которые желали бы всѣхъ людей привлечь въ свой хмѣль, или съ слѣпыми, которые хотѣли бы, чтобы никто вмѣстѣ съ ними не видѣлъ ясно. Пьяный не-христіанинъ; это упоенный въ храмахъ своихъ боговъ отъ нецѣломудрія-почитатель матеріи. Слепой тотъ, кто при разсматриваніи великихъ прекрасныхъ твореній, неуспѣлъ познать виновника, чтобы ему удивляться и поклоняться (V, 699).

Къ неизлечимой слабости философовъ относится то, что Цельсъ навязываетъ Апостоламъ и учителямъ христіанскимъ (будтобы они выдаютъ себя за сыновъ Божіихъ). Они слабые и невѣжественные говорятъ: вѣруйте въ насъ (Ш, 699) «Никто напротивъ не пайдетъ изъ насъ столь высокоумный, чтобы сказать своимъ ученикамъ: я только спасу васъ.»²⁴⁾ Если по этому, какъ говорятъ противники, мы сами обманываемся и заблуждаемся въ своемъ ученіи, то по нашему мнѣнію, совершенно прекрасенъ обманъ, который изъ невоздержныхъ дѣлаетъ воздержными, изъ неправедныхъ — праведными, изъ неблагоразумныхъ — благоразумными. (II, 680). Язычники, не срываясь, предаются самымъ порокамъ страстямъ и думаютъ, что это нисколько непротиворѣчитъ обязанностямъ честнаго чело-вѣка; въ этомъ случаѣ самый послѣдній изъ христіанъ выше философовъ, весталокъ и самыхъ чистыхъ жрецовъ язычества. Если найдется кто нибудь въ христіанскомъ обществѣ, который преда-ется подобнымъ порокамъ, то это не изъ числа тѣхъ, которые бы-ваютъ въ собраніяхъ и участвуютъ въ молитвахъ (VI, 784—786). Нравственное доказательство завершаетъ полемику Оригена противъ Цельсовыхъ нападеній со стороны государства. Правительственный

нападенія въ лицѣ Цельса теперь такимъ образомъ съ честію и достоинствомъ были отражены Оригеномъ. Государству указано было, что христіанство не-тайная секта и христіане не-бунтовщій и опасные заговорщики, какими ихъ представляетъ близорукая нетерпимость подобныхъ обвинителей, какъ Цельсъ Намбренія и поступки христіанъ ясны и открыты для глазъ всего языческаго міра. Если въ чемъ либо христіане отступаютъ отъ государственныхъ началъ и учреждений, то виною этому служатъ не они христіане, а сами отжившія и несостоятельныя начала и учреждения и сами язычники, силіящіеся поддержать ихъ. Но у христіанства не этотъ только былъ врагъ; еще оставались и другіе, столь же сильные и ожесточенные, какъ и тотъ, противъ котораго сейчасъ сражался Оригенъ—это языческая философія и іудейство, которое если не само отъ себя, то пожеланію Цельса, всегда готово было предстать съ своими возраженіями противъ христіанства. Послѣдуемъ за этими врагами въ лицѣ Цельса и посмотримъ, каковы были ихъ нападенія и какъ и чѣмъ опровергаетъ ихъ Оригенъ.

Одно изъ основныхъ религіозно—философскихъ убѣжденій того эклектизма, къ которому Цельсъ принадлежалъ, состояло въ томъ, что истина открывается только въ общечеловѣческихъ вѣрованіяхъ религіозныхъ и философскихъ и что всѣ существующія религіозныя и философскія системы выражаютъ собою только частичную долю одной Божественной истины и что такимъ образомъ истинна и не можетъ быть единой абсолютной религіи. Но христіанская религія объявила себя единою истинною религіею, въ слухъ всего ученаго языческаго міра заговорила объ единственномъ источникѣ спасительной истины въ Божественномъ откровеніи и, какъ знамя такой исключительности своей, выставила ученіе о Единомъ, личномъ Богѣ и творцѣ всѣхъ тварей. Понятно теперь, какъ такимъ противорѣчьемъ вѣковой культурной религіи и современному образованію она должна была вооружить противъ себя людей подобнаго образованія, — людей политеизмъ которыхъ рядомъ съ пантеизмомъ находилъ до сихъ поръ полное свое примиреніе и составлялъ даже необходимую принадлежность въ ученіи всѣхъ религіозныхъ и философско—эксективныхъ системъ. Понятно также, на что прежде и по преимуществу должно было быть устремлено нападеніе враговъ христіанства. Ученіе о Единомъ Богѣ, на которое Іудеи и христіане указывали, какъ на исключительно имъ принадлежащее, какъ на отличительную особенность, прежде и болѣе всего послужило предметомъ нападеній. Цельсъ не могъ не замѣтить этой особенности новой религіи, подрывающей въ основаніи древнюю государственную религію, и онъ съ особенною силою напалъ на этотъ пунктъ—на принципъ монотеистическій. Какъ пантеистъ, онъ самъ защищаетъ—единство Бога; но этотъ богъ—богъ пантеизма,

безличный, подобно богу современных пантеистов и понимаемый как мировой духъ, мировая жизнь, при которомъ допускается возможность примиренія съ политеизмомъ язычества и допущенія динной дѣи божественныхъ существъ, называемыхъ демонами. Отсюда у Цельса стремленіе всеми средствами унижить христіанскій монотеизмъ, показать разладъ и противорѣчіе въ немъ самомъ и всю его несамостоятельность и не оригинальность. Иудеи, по Цельсу, до Моисея были многобожниками, какъ и всѣ другіе народы. Моисей первый грубымъ обманомъ ввелъ между этими пастухами козъ и овецъ единобожіе, за исключеніемъ всякаго другаго Бога почитанія, потому что почитаніе Единаго Бога было приспособительнѣе къ пастушескому быту Іудейскаго племени, чѣмъ служеніе многимъ богамъ (I, 641). Какъ слѣды этого политеизма Іудеевъ, осталось у нихъ и перешло къ христіанамъ почитаніе ангеловъ, и это почитаніе ставитъ ихъ въ противорѣчіе съ ихъ неуваженіемъ къ богамъ—языческимъ. Если Іудеи и христіане чтутъ ангеловъ (I, 643; V, 731), то не противорѣчатъ ли они сами себѣ, не почитая демоновъ, боговъ языческихъ, принадлежащихъ къ одной сферѣ вмѣстѣ съ ихъ ангелами? (V, 731. VIII. 796; VIII. 789). Далѣе на основаніи своего понятія о демонахъ, какъ существахъ высшей духовной природы и божествахъ, Цельсъ доказываетъ необходимость ихъ почитанія. «Если есть демоны, говоритъ онъ, то они безъ сомнѣнія и боги, которымъ должно вѣрить, приносить имъ жертвы и молитвы, чтобы заслужить ихъ благоволеніе. Почему не почитать демоновъ? Не всѣмъ ли управляетъ воля Божія и не все ли зависитъ отъ провидѣнія? Если Богъ дѣйствуетъ въ ангелахъ, демонахъ, герояхъ, то не всѣ ли дѣйствуютъ по закону, предписанному имъ Богомъ? И такъ неужели почитатель Бога не будетъ почитать тѣхъ, которые отъ Бога получили свою власть? Цельсъ ясно объясняетъ, что вся природа находится подъ управленіемъ демоновъ. По его мнѣнію, христіане въ самомъ дѣлѣ должны отказаться отъ жизни, если они презираютъ этихъ демоновъ. Онъ говоритъ: «плоды, которые они (христіане) ѣдятъ, вино, которое они пьютъ, вода, которую они черпаютъ, воздухъ, которымъ они дышатъ—всѣ эти благодѣянія приходятъ отъ какого нибудь демона». Когда они отказываютъ въ почтеніи тѣмъ, которые управляютъ всею нашею жизнью, не должны ни жениться, ни дѣтей рождать, они совершенно должны оставить жизнь (VIII. 796, 798). Верховный Богъ, по Цельсу, не оскорбляется и не завидуетъ, подобно людямъ, когда поклоненіе, кромѣ Его, еще распространяется и на другихъ²⁵⁾. Напротивъ почитаніемъ боговъ и демоновъ еще благоугождается тотъ, который почитаніе облеченныхъ отъ не-

25) Цельсъ говоря это, имѣетъ въ виду изреченіе Спасителя: Никто не можетъ двѣма господинами работать. Мѣ. 6, 24.

го властію надъ міромъ божествъ принимаетъ, какъ почитаніе Его Самаго, какъ почитаніе Имъ же самымъ удостоенныхъ такой чести божествъ. Но кромѣ ангеловъ, къ большому своему противорѣчію, христіане почитаютъ еще—не давно явившагося Бога—сына Божія. Цельсъ особенно издѣвается надъ христіанскимъ почитаніемъ Иисуса Христа Богомъ. Еслибы христіане, говоритъ онъ, дѣйствительно не почитали никакого другаго Бога, кромѣ Единаго Бога, то они могли бы по справедливости презирать другихъ. Но когда они почитаютъ еще другаго Бога—Сына Божія и считаютъ себя правыми предъ своимъ Богомъ, значитъ, они соглашаются почитать не одного только Бога, но и служителей Его ²⁶⁾. Чтобы еще больше унижить христіанскій монотеизмъ и христіанское почитаніе Сына Божія, Цельсъ говоритъ, что то и другое ученіе христіанъ заимствовано отъ язычниковъ. Первое заимствовано или изъ непонятыхъ ими и искаженныхъ выраженій Платона о существахъ премірныхъ. Эти выраженія, по мнѣнію Цельса, нужно принимать въ смыслѣ пантеистическомъ, но христіане перетолковали ихъ совершенно по своему, такъ что они превратились у нихъ въ ученіе о существѣ премірномъ, для котораго и чрезъ котораго все существуетъ (VI, 753). Второе онъ обличаетъ также, какъ заимствованное изъ философіи древнихъ и особенно изъ философіи Платона. При этомъ онъ укоряетъ христіанъ, что они, перенеавши это ученіе отъ философіи, исказили его и вмѣсто того, чтобы признать въ этомъ сынѣ Божіемъ міръ—этого втораго, внѣ себя открывающагося Бога, котораго философія и называетъ сыномъ Божіимъ, примѣвали это ученіе къ лицу Иисуса Христа (VI, 761), при чемъ въ ихъ ученіи сынъ Божій становится выше Отца (VIII, 794).

(Продолженіе слѣдуетъ).

Редакторы: { Прот. **Ө. Никоновъ.**
Свящ. **І. Адамовъ.**

26) Orig contra Cels. VIII, 792—93. Цельсъ, какъ и Порфирій, не доходитъ впрочемъ до подробнаго и тонкаго обличенія этого мнимаго противорѣчія монотеизму. Они отталкиваются отъ него видомъ распятаго, въ которомъ признать Бога для нихъ казалось въ высшей степени несогласнымъ съ разумнымъ дѣломъ. Порфирій преимущественно надъ этихъ вопросовъ остановился въ недоумѣніи, и онъ одинъ оставался для него величайшимъ соблазномъ въ христіанскомъ ученіи, которое онъ не думалъ такъ рѣзко и такъ полно отрицать, какъ Цельсъ и Юліанъ. Цельсъ недумалъ вовсе задавать глубокомысленныхъ вопросовъ христіанству, на которые нужно бы было давать ученые глубокіе отвѣты, на какіе вызывалъ Юліанъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **Ш. Палицынъ.**
Февраля 15-го дня 1874 года.

Воронежъ. Въ типографіи **Н. Д. Гольдштейной.**